

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Реджи Мунт

НЕВИННАЯ
для
РАЗБОЙНИКОВ

Реджи Минт

Невинная для разбойников

«Автор»

2024

Минт Р.

Невинная для разбойников / Р. Минт — «Автор», 2024

Оливия де Соль, баронесса из обнищавшего благородного рода должны выйти замуж на герцога. Однако добраться до алтаря не выходит - на свадебный кортеж нападают лесные разбойники... И два брата-вожака Ройс и Талер предлагают герцогу сделку — золото в обмен на невесту.— Ну, у всякой девушки есть что предложить мужчине. Попроси меня хорошенько, — разбойник внезапно шагнул вперед и Оливии пришлось отступить и вжаться спиной в стенку. Но Талер уперся руками в доски за ее спиной и наклонился, насмешливо глядя на Оливию.— Я...— Расплатись со мной. Ну? — он наклонился еще ниже, почти касаясь губами губ. — По своей воле, моя невинная овечка. Сама.Оливия потянулась к этим губам, внутри себя гадая, поразит ее прямо сейчас молния за такой грех или нет?

Содержание

1.	5
2.	7
3.	10
4.	12
5.	14
6.	17
7.	20
8.	22
9.	25
10.	28
11.	30
12.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Реджи Минт

Невинная для разбойников

1.

Оливия де Соль, баронесса из обнищавшего рода пограничных баронов де Соль, сегодня должна была отправиться в трехдневную дорогу к алтарю. Свадьба планировалась сразу по приезде в замок будущего супруга.

Ее жених, герцог Арчибальд Фонтени, был очень знатен, богат, но на этом его достоинства оканчивались. Впрочем, если в сундуках полно золота, а брат заседает в королевском совете, то не так важно, что ты невысок ростом, у тебя пузо, которое не скрыть утягивающим дублетом, и лысина, блестящая, как монета на солнце.

Важно, что ты – герцог. Так что жених считался завидным, и любая из дочерей пограничных баронов посчитала бы за счастье сочетаться с таким человеком узами брака.

Но повезло именно Оливии. Поэтому сейчас она сидела на неудобном табурете, уже одетая в пышное свадебное платье, и ждала, пока закончат прическу.

Из украшений Оливия надела жемчуг. Он символизировал чистоту и невинность, которым невеста соответствовала. Да и других украшений у Оливии не было – отец все продал в уплату долгов ростовщикам.

Оливия поморщилась от того, что служанка слишком сильно потянула за прядь.

– Простите, госпожа, – та поспешно сделала реверанс.

– Поторопись. Через четверть часа нужно закрепить фату.

Оливии исполнилось девятнадцать, она была хорошенькой – сероглазой, светловолосой, с пухлыми губами.

Фигурой пошла в покойную матушку – так говорил отец. Высокая грудь, длинные ноги и крутые бедра – которые, впрочем, никто пока не увидел. Оливия, как порядочная невеста, берегла себя для будущего супруга.

В уже уложенных сундуках с приданым лежала специальная сорочка, в которой невесте следовало встретить своего суженого в первую брачную ночь. Оливия расшивала ее три года и успела закончить как раз зимой, когда приехали сваты. Свадьбу назначили на лето. Осенью и весной дороги до поместья де Соль были в ужасном состоянии.

Раздался лай цепных псов, отец держал охранную свору и проводил с ними больше времени, чем с дочерью. Впрочем, он и с бутылкой вина миловался больше, чем с ней. Оливия вздохнула. Грядущие перемены в жизни одновременно и пугали, и радовали.

Карета жениха вкатилась во двор. Сквозь приоткрытое окно Оливия слышала, как звонко процокали копыта по камням. Шесть лошадей. Богатый выезд. Остальная кавалькада ожидала за воротами поместья. Просто потому что особняк их был мал и не способен вместить столько народа.

Батюшка с самого утра уже заложил за воротник крепкого вина и пару раз норовил украсть у домоправительницы ключи от винного погреба. Та не давала. Впрочем, Оливию это волновало мало. Батюшка не поедет на венчание в церковь. Это было условие жениха.

Его светлость герцог хотел видеть только ее. И не скрывал, что от Оливии ему нужна только знатность рода. Впрочем, она и не рассчитывала на любовь. Это все сказки, что поют проезжающие мимо трубадуры. О принцессах и рыцарях, которые готовы за них идти на плаху или под венец. Ее жених был куда практичнее. И ждал от своей невесты такого же отношения.

Они виделись только один раз в день помолвки – герцог был хмур и нелюбезен. Говорил только с отцом, как будто Оливии и рядом нет, потом осмотрел ее с ног до головы, словно

лошадь, кивнул и начал обсуждать приданое – земли за рекой. Земли были хорошие – две деревни. Но выглядело приданое весьма скромно, обычно за невестами такой знатности дают куда больше.

Про сундуки с приданным речи не шло: наверняка в герцогском замке такого добра с лихвой. И наряды Оливии там будут смотреться скромно и старомодно. Впрочем, это будет уже забота ее мужа – одеть жену подобающе.

На прощание герцог взял Оливию за руку, сжал запястье и проговорил значимо:

– Я надеюсь, что вы здоровы и сможете в краткие сроки родить мне наследника. Это в ваших интересах.

– Все в руках господы, сэр Арчибалд, – Оливия скромно опустила глаза.

С утра ей пришлось выдержать неприятную процедуру подтверждения невинности. И до сих пор хотелось закутаться в одеяло и никогда больше не выходить из спальни. Но долг был превыше желаний.

– О, тут дело точно не в руках, – ухмыльнулся герцог. – Я покажу. В брачную ночь. Жду с нетерпением.

Оливия кивнула, впервые подумав, что будь матушка жива, она бы не одобрила эту помолвку. Но дела отца срочно требовали вложений, желательно золотом. Земли же баронов де Соль находились в упадке. Последние две засухи и неурожай решили дело: казна барона опустела окончательно.

“И ему пришлось заплатить моей жизнью”, – печально подумала Оливия. Впрочем, даже не будь засух, батюшка бы порадовался этой свадьбе. Герцог был завидной партией, и породниться с ним мечтали многие, но немногие могли похвастаться столь древним происхождением, как де Соль. У баронессы за плечами стояла вереница славных предков, которые верно служили королю и приумножили его славу. Жаль только, что с каждым поколением золота в баронстве становилось меньше, деревни пустели, а леса становились непроходимыми.

И вот сейчас Оливия, уже в свадебном платье, расшитом серебряной нитью и мелким жемчугом, в сопровождении жениха и кавалькады слуг, должна была отправиться в храм для венчания.

До храма было три дня пути – между поместьем де Соль и землями герцога пролегали лесные чащобы.

2.

Безопасность свадебного кортежа должен был гарантировать отряд охранников. Не солдат, а разношерстных наемников.

Сам герцог тоже поиздержался за пару лет в стычках с баронами и пока не мог содержать собственных солдат в достаточном количестве. В том и крылся секрет женитьбы – более богатые семьи своих дочерей за него отдавать не хотели.

Охранники вид имели грозный, но даже Оливии было понятно – напади на карету кто-то поопытнее, и эти ряженые ничего не сумеют поделать. Оставалось надеяться на то, что последний громкий грабеж в этих местах произошел год назад. И после того, как королевские лучники прочесали чащобы, разбойники унялись.

Когда прическа была готова, а огромная кружевная фата заняла правильное место, Оливия посмотрела на свое отражение в мутном зеркале.

Сегодня ее жизнь изменится – не будет больше покоя родных стен, цветущего замкового сада и пьяных песен отца по вечерам. Не будет огромного портрета матушки в главном холле, да и самого холла она не увидит еще долго.

Покачивающийся от выпитого отец помог Оливии спуститься к карете. На прощанье скупой поцеловал в щеку, обдав винным запахом, и пустил пьяную слезу. Слеза исчезла в густой русой бороде.

– Оливия, дорогая, я надеюсь, ты отправишь мне весточку, когда я стану счастливым дедом.

– Конечно, папа. Я буду вам писать. Отправлю гонца сразу как приеду.

– Ну, сразу не надо, расстояния у нас большие, расходно это, – батюшка изобразил заботу о герцогском кошельке, хотя сам знатно облегчил его, торгуясь за дочь. – Веди себя достойно, дорогая. Помни о своей матушке, которая смотрит на тебя с небес.

Оливия кивнула и сразу погрустнела. Как раз матушку она помнила слабо.

Та скончалась, когда Оливии исполнилось семь, и с тех пор в поместье не было ни радости, ни порядка. Оливия как могла пыталась привести семейные дела в норму, но батюшка был большой игрок и любитель выпить. Уходил в загул два раза в год, а потом долго и горестно сожалел.

В итоге все доходы от земель исчезали в лавках ростовщиков и в карманах букмекеров. Деревни ветшали, крестьяне потихоньку удирали на другие земли, а леса наполнялись лихими людишками. И если еще сто лет назад взять девушку из семьи де Соль почиталось за великую честь, то теперь барон был готов целовать герцогу сапоги за такой широкий жест. А Оливию и вовсе не спрашивали, хочет ли она замуж за Арчибальда. Отцовская воля превыше всего.

Во дворе замка было солнечно и пахло готовящейся на кухне дичью.

Герцог против обычая из кареты не вышел, чтобы подать руку невесте. Только лакеи, разодетые в малиновые камзолы, гнули спины. Не сильно глубоко, да и на барона поглядывали нагло.

Оливия вздохнула, оглянулась на родные двери. Сколько она не увидит их? Год? Пять лет? Десять?

Из кареты раздалось нетерпеливое покашливание. Жених давал понять, что его терпение на исходе.

– Счастья тебе, дорогая моя, – пожелал отец.

Оливия кивнула, дождалась, пока служанка подхватит шлейф платья, и села в карету. Стоило двери хлопнуться, а на крышу упасть первым зернам и ромашкам, которыми на прощание посыпали процессию слуги, как герцог нетерпеливо стукнул в стенку кучеру, приказывая трогать.

– Как это утомительно, – пожаловался он. – Кто только придумал, что жених должен сам кататься за невестой! В соседнем государстве все решается куда проще. Сваты забирают невесту, и не нужно тащиться за тридевять земель самому. Впрочем, за такой милой куколкой можно и лично...

Оливия только скромно опустила глаза, но успела заметить, каким масляным взглядом герцог пялился на ее высокую грудь в вырезе платья. Мужчинам позволялось многое, но кровь все равно прилила к щекам.

Будущая свадьба страшила Оливию, а брачная ночь – тем более. Из-за смерти матушки некому было дать юной невесте наставления, а монахиня, которая нянчилась с Оливией, сама ничего о супружестве не знала. И только твердила, что жена должна во всем слушаться мужа, да творила крестные знамения.

Кухонные девки и прислужницы болтали всякое, но стоило только рядом появиться Оливии, как они умолкали и краснели.

Неизвестность пугала, но спрашивать о том, что будет, у герцога было еще страшнее. Да и не пристало порядочной девушке знать о таком до срока.

В конце концов, подумала Оливия, все выходят замуж и рожают детей, значит, ничего особо жуткого тут нет.

И богатая жизнь в большом замке представлялась куда как более интересной, чем прозябание в маленьком поместье на окраине страны.

Про замок герцога рассказывали многое. В основном купцы, что были там проездом. И все сходились на том, что такие богатства есть не у каждого, а некоторые шепотом продолжали, что замок будет побогаче королевского, жаль только хозяин у него так себе – больно любит спускать золото на охотничьих собак и прочие развлечения. Про “прочие” говорили тихо и с оглядкой на Оливию, хотя та не понимала, о чем они.

Но скоро все это: и герцогский замок, и земли – станет принадлежать Оливии по праву. А уж когда она родит наследника...

– По приезду будет венчание. В тот же день. А празднования отложены на потом. Приглашены многие важные люди, в том числе королевский племянник. Я надеюсь на ваше благоразумие, моя милая Оливия. Вы молоды, красивы, невинны – пока еще – и должны показать себя настоящей леди, – сказал герцог уже к вечеру, когда Оливия подумала, что будут они ехать в молчании все время.

Кавалькада за это время делала две остановки – на обед и на переправу через разлившийся ручей. Оливия из кареты выходила лишь раз – служанки накрыли для нее отдельный столик с едой. Но остановки были краткими, а все остальное время она ехала в одной карете с будущим мужем, который то скучающе пялился в окно, то поглядывал на нее, как батюшка на бутылку с вином.

– Я постараюсь, ваша светлость.

Оливия боялась сказать лишнее, поэтому говорила мало и осторожно. Герцог вызывал в ней странное чувство. С одной стороны, ей следовало уважать его и почитать, как своего будущего мужа, с другой – что-то внутри подсказывало: перед ней не самый хороший человек. И все прегрешения батюшки по сравнению с грехами герцога покажутся детскими шалостями.

– Постарайся, обязательно постарайся. Иначе мне придется проучить тебя, – неприятно улыбнулся герцог, неожиданно отбрасывая приличия и переходя на “ты”. – Будь любезна с королевским родичем, и если он захочет чего такого – не отказывай, да? Впрочем, откуда тебе знать, чего он захочет? Воспитана монашками, вокруг только крестьяне да овцы. Не бери в свою хорошенькую головку – я всему научу. Чертовы обычаи, приходится терять время, вместо того, чтобы начать обучение прямо сейчас. А ведь такая хорошенькая кобылка. Так бы и взнуздал!

Герцог пересел ближе, поднял фату, прикрывающую лицо невесты, и по-хозяйски ущипнул ее за щеку.

Оливия ойкнула. Щипок был неприятным, а пальцы у герцога холодные и липкие.

– Очень хорошенькая кобылка, – повторил он. – Породистая. И жеребята будут что надо. А уж какое веселье мы устроим в замке. У меня есть две прехорошенькие знакомые из горожанок...

– Ваша светлость, я прошу вас, не надо! – это было неучтиво и неправильно, но герцог выходил за грани приличий.

Однако он и не подумал прекратить, а жадно облапал ее за грудь и вжал в мягкий диванчик кареты. Обдал тяжелым дыханием.

– Такая спелая, – жадно прошептал он и ткнулся жирными губами ей в шею. – Так жаль времени. Я бы объездил тебя уже пару разиков. Глядишь, к венчанию ты бы была уже готова. А там и для королевского родича расстаралась бы. А то жмешься, как монашка... Давай, моя милая, приподними подол. Хочу посмотреть на твои хорошенькие ножки. А там и повыше погляжу. И потрогаю. Такой сладкий пирожок.

Оливия замерла, как птичка, попавшая в силочку.

Теперь герцог вызывал отвращение. Его голос, его манеры, его липкий взгляд и жадные руки.

Как она ни пыталась приучить себя к мысли, что это ее будущий супруг и она обязана почитать его... Но то, что он говорил... И про своих подружек-горожанок, и про королевского родича! Она же его невеста и даст согласие на брак перед богом!

А герцог, этот ужасный человек!

Господи помилуй, он собирается подложить ее этому приезжему племяннику короля! Под чужого мужчину собственную супругу! Позор!

И главное, она абсолютно бессильна!

Оливия прикусила пухлые губы. Чтобы не закричать, потому что рука герцога по-хозяйски проникла под юбку и погладила бедро, а потом двинулась вверх. Ткнула грубо пальцами между ног и ловко раздвинула бедра.

– Нет! Ваша светлость! Нельзя!

Что же делать?!

3.

Позвать на помощь? Но кто ей поможет? Охране платит Арчибальд, они даже не подумают заглянуть в карету.

А слуги? Слуги все равно не помогут, только потом будут потешаться над новой хозяйкой. Мол, хозяин захотел взять, что ему причитается, и в своем праве. Но что-то нужно было делать! Потому что отвращение к герцогу побеждало внутри желание остаться правильной девушкой!

– Ваша светлость, перестаньте! Не позорьте себя, – Оливия наконец нашла слова для возражений. – Знатность вашего рода... Невеста должна быть невинной!

– К дьяволу мой род и твою невинность! Все будет честь по чести – свадьба, пир, платья. Давай, персик, не жмись, облегчи мои страдания! – продолжил напирать герцог. – Нам предстоит такая долгая дорога, а ты пахнешь так сладенько, и уверен, что там... – герцог прихватил ее за бедро сильнее и двинул рукой вверх, сминая толстую ткань, – там для меня все готово. И ты уже вся мокренькая. Святой отец – мой давний приятель. А с брачными простынями мы что-нибудь придумаем. Подумаешь, невидаль... Зато дорога вмиг станет нескучной. Научу тебя парочке фокусов.

Герцог навалился на Оливию, жамкая ее грудь через плотный корсет, а потом впился губами в аппетитное полукружие. Глаза у него стали совсем мерзко-масляные, а дыхание хриплым и тяжелым.

– Нет, до венца нам нельзя, ваша светлость! Я порядочная девушка! Вы, как жених, давший слово моему отцу, клялись доставить меня к аналою нетронутой! Прекратите! – Оливия плакала, тонкие дорожки слез пролегли по ее щекам, но герцог ее не слышал – навалился сильнее и уже раздвинул ногой ее плотно сомкнутые колени. Лопнула тесемка на корсете, прическа растрепалась.

От ужаса Оливия обмерла, как дикий зверек от грозы. Она не знала, что делать: с одной стороны, герцог и так получит ее после алтаря и венчания, с другой – неприязнь к этому человеку с жирными губами и жадными руками пересиливала чувство долга. Единственное, что она знала точно – жених будил в ней только отвращение и ни капли любви.

– Прекратите! – не крик, а шепот.

Рука герцога проникла туда, где Оливию еще никто и никогда не трогал, не считая монахинь, что подтверждали ее целомудрие. Жадно сжала пальцы и надавила ребром, причиняя боль.

– Нет, сладенькая, задирай юбку, я достаточно терпел! Раздвигай-ка ножки, а то возьму тебя как крестьянскую девку – сзади, – герцог навалился еще сильнее, но тут карета внезапно дернулась и встала как вкопанная.

Герцог не удержался на сиденье и повалился вперед, на стенку, разделяющую пассажиров и кучера. Ударился локтем, вскрикнул от боли и ярости и сразу же заорал:

– Какого черта там происходит! Запорю!

Оливия вжалась в сиденье, благодаря бога за то, что ее мучения откладывались. Ее отдали настоящему чудовищу – мерзкому и похотливому. И никакие замки с богатствами теперь не в силах это изменить!

– Неужели я сам должен править этими чертовыми лошадьми! Кого я спрашиваю? Оглохли?!

Герцог, как был в расстегнутом камзоле, решительно распахнул дверь кареты и хотел уже выбраться наружу, но внезапно остановился и подавился собственным криком.

Захрипел и подался назад еще резвее, чем до того пытался выйти.

Потому что ему в грудь многозначительно упиралось острое короткого меча. Не такого нового и блестящего, как у охранников, но уже испачканного в чужой крови.

Вслед на мечом показалась рука в перчатке, его державшая, а потом и сам гость.

Высокий и очень широкоплечий – узкая дверца кареты явно была ему мала.

Длинноволосый, загорелый брюнет, по виду южанин, по-хозяйски оглядел содержимое кареты, многозначительно осмотрев все – от потерявшего дар речи белого от страха герцога до ослабленного корсета Оливии, который теперь не поддерживал ее высокую грудь, а находился несколько ниже, не скрывая от любопытного взгляда ничего.

Черноволосый оскалился довольно, словно волк, и крикнул кому-то снаружи:

– Повезло, парни. Мы взяли большой куш. Тут какой-то облезлый надушенный козел, но с ним такая птичка, которой не постесняются и в королевском замке. Хороша, чертовка!

Снаружи захохотали на разные голоса.

– Да как вы смеете... – начал герцог, но острое меча снова приподнялось вверх, а черноволосый перестал улыбаться.

Его лицо сразу стало жестким и недобрым. Обозначились острые скулы, и стал виден старый шрам под челюстью.

– Смею, чучело! – рыкнул он. – Еще как смею! А сейчас вытаскивай сюда свою жирную задницу, и без глупостей, а то живо кишки выпущу. – И закончил еще мрачнее: – Вылезай, посмотрим, что ты за гусь. И стоит ли тебя ошипывать. Или можно сразу насадить на вертел.

Оливия, пока герцог выбирался из кареты на дрожащих студнем ногах, успела кое-как поправить платье и даже накинуть обратно фату.

И затаилась как мышь, надеясь, что о ней забудут. Хотя какое там... Это же наверняка разбойники, про которых так много рассказывали купцы.

В окрестностях замка де Соль лихие люди не шалили – все-таки батюшка, несмотря на возраст, не забыл, с какой стороны держаться за меч, да и слуги у них были не слабыми мужчинами, а вот дальше, в глуши баронских земель, кто только не промышлял...

Торговцы говаривали, что иногда у них отбирали все, включая сапоги, а иногда разбойники брали только часть товара. Некоторых несговорчивых не только грабили, но и лишали жизни. Разбойники они разбойники и есть – ни чести, ни стыда, ни совести. Висельники и каторжники. Беглые крестьяне и разорившееся рыцари, мародеры и дезертиры.

В королевский замок жалобы отправляли на такое лихоимство все время, но король не спешил повторно отправлять сюда войска. Земли тут большей частью безлюдные, а разбойники знают лес куда лучше королевских рыцарей. Спрячутся в чащобе или, того хуже, ударят с тыла – тогда позора не оберешься.

Вот и ездили торговые обозы через эти земли на свой страх и риск. Три проедут, четвертый перехватят.

И если до этого Оливии было страшно, то сейчас стало еще хуже. Она не раз и не два слышала истории о том, что проделывают с девицами, попавшими к таким лихим парням. И теперь даже мерзкий герцог казался куда меньшим злом.

От страха затряслись колени, а в животе стало холодно.

– А ты чего сидишь? Иди сюда! Вот ты тряпок на себя намотала! – бандит вновь сунулся внутрь кареты и, ухватив Оливию за руку, легко выволок наружу.

4.

Силища у него была такая, что она даже ойкнуть не успела, как оказалась на земле, возле кареты.

– Да не дрожи ты как крольчиха! Мы пока только посмотрим, что у нас за выигрыш!

– Ну-ка, Ройс, кого ты там нашел? – второй голос, раздавшийся сбоку, был мягче первого, и Оливия сквозь фату сумела разглядеть еще одного разбойника, такого же высокого и широкоплечего. Только этот был сероглазым, с каштановыми выющимися волосами, похож на уроженца побережья, такой же широкоскулый. – Это ж не тряпки, Ройс, это свадебная фата. Похоже, сегодня господь послал нас, чтобы разлучить эти два любящих сердца! Кто здесь против этого союза, пусть скажет сейчас или замолчит навеки!

– Мы против, давай нам невестушку! – зашумели разбойники и снова засмеялись. – Уж мы ей покажем, что такое настоящие мужчины.

Фату резко дернули, Оливия ойкнула, потому что заколки, держащие ее, зацепились и не сразу вылетели, а потянули за собой всю сложную прическу.

Но второго рывка заколки не выдержали, а сероглазый, скомкав в руках ткань стоимостью в тридцать золотых, присел рядом на корточки, рассматривая Оливию, словно овцу на ярмарке.

– А ты прав, Ройс, она действительно хороша, – разбойник посмотрел с восхищением, провел рукой по лицу девушки и крепко ухватил ее за подбородок, чтоб она не прятала взгляд. – И что ты, красавица, нашла в этом сморчке? Небось прельстилась на его деньги, да?

Оливия попыталась отшатнуться, но ей не дали.

– Итак, еще раз. Кто ты и кто это подвывающее дерьмо, а, куколка? Говори!

– Я баронесса Оливия де Соль, – всхлипывая, начала Оливия, за пеленой слез не видя ничего, кроме холодных серых глаз. – Это мой жених, герцог Арчибальд Фонтени. Мы ехали в замок Фонтени, чтобы венчаться там законным браком, по благословению божьему.

– Ага, благословению! – это черноволосый, которого назвали Ройсом, перебил Оливию. – Когда я сунулся в тарантайку, благородная баронесса сверкала титьками, как кабацкая девка, Талер. Что, жениху так не терпелось? Или ты попросту врешь, и он взял тебя к себе, чтобы развлечься в дороге? Так мы тоже не против. Ты вон какая миленькая. Задирай подол!

Вокруг заржали. Мужчины, много.

Оливия вытерла слезы и наконец разглядела, что происходит. Их кортеж попал в засаду – впереди дорогу перегораживало огромное упавшее дерево. Рядом с ним на земле валялись тела трех охранников – из них торчали стрелы с белым оперением.

Повозки со слугами, что ехали позади кареты, сейчас тоже потрошили, спуская на землю сундуки с приданым и герцогское добро.

Слуги стояли толпой в сторонке, окруженные одетыми в черное мужчинами, и вели себя тихо. Служанки пытались спрятаться за спины лакеев, а те, не желая неприятностей, выпихивали женщин вперед.

Еще три коня, на которых раньше ехали охранники, теперь были без всадников, а кучер, что правил каретой герцога, обвис на облучке.

– Так что? Кто ты? Баронесса или бордельная девка? – спросил тот, кого назвали Талером.

Голос был веселый, а глаза у него оставались холодными. Взгляд пугал куда больше оскорбительных слов.

Оливия прикусила губу от обиды и отвернулась. Баронессе де Соль никто и никогда не смел говорить подобного. А корчащийся рядом жених даже не подумал ничего сказать в ее защиту!

– Когда я спрашиваю, надо отвечать, – обманчиво мягко сказал сероглазый Талер, а потом без замаха ударил по щеке – не больно, но звонко и обидно.

Оливия вскрикнула, схватила за щеку. Да как он смеет, этот простолюдин! От острой обиды страх временно пропал и слезы высохли.

– Я баронесса де Соль, и если ты еще раз посмеешь ударить меня, то я выцарапаю тебе глаза!

Талер удивленно приподнял бровь и многозначительно хмыкнул, а Ройс засмеялся и протянул руки к корсету Оливии.

– У, люблю норовистых!

– погоди, Ройс, – сказал сероглазый. Талер. – Похоже, нам сегодня действительно повезло. И если этот сморчок и вправду его сраная светлость герцог, то нам надо сначала хорошенько подумать. И если подумать правильно, то до конца своих дней и я, и ты, и наши парни будем спать на белых простынях и лапать самых красивых шлюх, словно благородные господа.

– Выкуп? – белозубо усмехнулся смуглый Ройс.

– И не один. Потому что она и вправду невеста. И что-то я такое слышал в таверне по поводу скорой свадьбы, о которой объявлено и на которую собираются прибыть высокие и очень важные гости. Чуть ли не сам король. Да, сморчок?

Талер пнул носком сапога герцога, который злобно зыркал на него с земли. Его светлость растерял всю свою степенность и важность, и теперь было видно, насколько он жалок и мерзок. Парик съехал набок, губы тряслись от ярости и страха, на щеке пыльный отпечаток. Униженный жених даже не думал схватиться за кинжал, который висел у него бедре.

– Да как ты смеешь, деревенщина...

– Я? – Талер иронично приподнял бровь, вздохнул и срезал с герцога ножны, вместе с оружием. – Ну какая из меня деревенщина? Я городской паренек, ваша светлость. И потому хорошо разбираю, кто и чего стоит. Один твой камзол будет кормить нас всю зиму, я уж не говорю про содержимое этих сундуков, а также стоимость кареты и лошадей. Но куда дороже стоишь ты сам, герцог Арчибальд. А еще больше стоят твои честь и невеста. И неважно, что ты тут ее жамкал по дороге за всякое. Экий ты старый козел-греховодник! Хотя она такая хорошенькая, могу понять. Да и о свадьбе объявлено всем. Важные гости уже седлают коней. А тут неприятность такая – мы. И что делать? Свадьба под угрозой, репутация гибнет... Какие-то немытые деревенщины портят такому большому человеку все планы.

Общий хохот поддержал слова разбойника.

– Я готов заплатить! – выдавил из себя герцог, понимая, к чему ведет Талер. – Сколько вам, ублюдкам, надо?!

– Много, но ты не обеднеешь, – хрипло засмеялся Ройс, запрокинув голову. – Но нам надо подумать, сколько взять с такого жирного борова. Поэтому отрывай свою задницу от земли и шагай вперед. Сегодня ночью вы будете гостить у Лесного братства.

Он легко подхватил Оливию под локоть и поставил на ноги.

Только сейчас баронесса поняла, насколько высок этот разбойник: Оливия едва доставала макушкой до его плеча, а вздумай она обхватить широкое предплечье – не хватило бы и обеих ладоней.

– Вперед, дорогая баронесса, – Ройс подобрал фату с земли, скомкал ее, сунул Оливии в руки, потом кивнул на едва заметную тропку. – Шагай. Вот уж не думал, что у благородных девиц такие аппетитные титьки бывают. Прямо загляденье. Может, покажешь еще разок, не все ж этому хмырю тебя лапать?

Оливия всхлипнула и плотнее прижала к себе фату, а разбойник снова хрипло рассмеялся и отвесил издевательский поклон, пропуская ее вперед.

5.

Идти пришлось больше часа. Легкие туфельки Оливии истрепались и разошлись по швам – они были предназначены для паркета, а не для мха, земли и торчащих корней.

Разбойничий лагерь прятался в самой чащобе, на укрытой под ветвями огромных дубов поляне.

Точнее, внизу были шалаши и палатки, а основной лагерь располагался на дубах – на огромные нижние ветки опирались легкие дощатые постройки, с занавешенными тряпками окошками.

Породистых лошадей, выпряженных из герцогских повозок, увели куда-то подальше в лес. Наверно, к утру их уже перекуют, перекрасят и отправят на столичный рынок.

Служанок, лакеев и кучеров загнали в большую железную клетку, стоящую посреди поляны.

Золоченую карету поставили рядом с самым огромным стволом дуба, по которому вверх уходили ступени, ведущие в самый большой дом на дереве.

Следуя указаниям бандитов, Оливия вскарабкалась по ступенькам и оказалась наверху, на дощатом настиле. Ройс отодвинул загораживающую вход занавесь, пропуская Оливию внутрь.

Бандитское логово выглядело неплохо, и пахло тут зеленой листвой, едой, дымом и сеном.

Просторная комната. В одном углу топилась небольшая печь, на которой стоял глиняный горшок со снедью, в другом располагался низкий широкий топчан с соломенным матрасом и шкурами. Два крепких табурета, пара окованных медью сундуков, да плотные занавеси из шкур, закрывающие вход в другую комнату и выход из этой.

– Садись, красotka, чего застыла? – Ройс повелительно указал Оливии на топчан, и она покорно села, а потом тихонько отодвинулась в самый угол, прекрасно понимая, что ее это не спасет.

Стянула с ног порванные в клочья туфли. Свадебное платье после лесной прогулки еще держалось – материал был крепким, но подол был черным от грязи.

Следом в логово поднялся Талер, который волок за собой за шкурку герцога.

За время пути герцог подрастерял спесь и теперь был серым от страха. Видимо, осознал, чем грозит ему плен.

– Ну что ж, самые ценные пташки у нас тут. Внизу осталась мелочь, – сказал Ройс, когда Талер усадил пленника на табурет. – Осталось решить, что с вами делать.

– За мою жизнь заплатят, – быстро проговорил герцог. – Много заплатят. Я дальний королевский родич. Это будет выгодная сделка. И отмечу отдельно, что за целого и невинного заплатят куда больше.

Талер усмехнулся, нагло и уверенно, и прищурил серые глаза:

– Да что ты говоришь? А я вот слышал, что за твою шкуру родичи не дадут и ломаного гроша. Что ты так достал всех своей скупостью и нравоучениями, что любой твой родственник готов доплатить сверху, лишь бы ты пропал в наших лесах навеки. Наследника-то у тебя нет, верно, герцог? Ты ж поэтому к барону поехал. Выбрал невесту победнее да покрасивше, чтоб ей брюхо набить и тем самым обезопасить себя от парочки племянников, которые спят и видят твою могилу.

Герцог бросил на разбойника ненавидящий взгляд. Оливия слушала и понимала – Талер не врет. Все так. И замуж ее герцог позвал только для того, чтобы она родила ему наследника. Ну и развлечься, ведь если даже разбойники говорят, что она хороша собой – значит, это действительно так.

А вот если у нее не выйдет зачать наследника... Оливия с ужасом осознала, что в этом случае Арчибальд избавится от нее – тихо и быстро. И тогда она точно никогда не увидит родного замка. И участь ее будет такой же страшной, как и гибель от рук разбойников.

– Значит, верно говорю, – усмехнулся Талер и небрежно перетянул каштановые волосы кожаным шнурком, чтоб не мешали. Достал из-за пояса нож, опробовал остроту лезвия и продолжил: – Так что ты, светлость, не стоишь даже сотни золотых. Вернее, твои племянники накинута нам тыщонку, чтобы ты так и остался среди этих дубов. А вот твоя невестушка...

Оливия подобралась, понимая, что следующие слова решат ее судьбу.

– Ты ведь трепло, светлость... Всей округе объявил, кого берешь в жены. Невеста-то древнего рода. Де Солей в наших краях знают и помнят. Правда, папашка у этой птички – неудачник и пьяница, зато деды и прадеды гуляли по лесам так, что до сих пор аукается, а в половине деревень и сейчас рождаются беловолосые детишки. Ты ж знал, кого в невесты брать, гриб сморщенный! Так громко об этом на рынках кумушки трещали, что даже до нас дошло. Уж на что мы в глуши и дикие. Мол, наш добрейший герцог берет себе дочку пьяницы де Соля, и его величество король лично этот брак благословляет. Ты ведь вправду Оливия де Соль? – спросил Талер.

Оливия кивнула.

– Докажи. Как звали твоего прадеда, который построил крепость в Синих горах?

– Тэнвуд де Соль Третий, – Оливия ответила сразу, без раздумий. – И разбил войско барона Сидара в битве у реки.

Талер посмотрел на нее задумчиво и покивал:

– Похоже, что не врешь. Ну тогда порешим так. Ты, герцог, возьмешь одну лошадь, флагу с водой и пару лепешек. И поедешь к себе. За деньгами. Большими деньгами. Тридцать тысяч золотом. Уж где ты их возьмешь – украдешь, одолжишь, выманишь обманом – нам плевать. Но через три дня на развилке торного пути, между деревней Горнянкой и Красным погостом тебя будут ждать. Отдашь деньги – получишь свою невесту обратно. Целой и невредимой. Задержишься на день... Сам понимаешь, такая красивая куколка среди такого грубого общества... Всякое может произойти. Задержишься дольше – понимаешь, что будет, да?

– Да, – герцог кивнул.

Руки у него тряслись, а на лбу была испарина. Но глаза горели радостью. Еще бы, ему дают свободу. Просто так.

Оливия в ужасе прикусила губу. Выходит, налет на кортеж затевался ради нее? Разбойник был прав: если герцог лишится невесты, а сам останется жив, то позор будет такой, что об этом узнают все! Удар по репутации окажется сокрушительным – какие-то лесные тати, крестьяне, смогли отбить у благородного лорда невесту. И какую – баронессу де Соль! Милость короля исчезнет, как туман.

И тогда у племянников будут развязаны руки. Наверняка его светлость в ближайший месяц свалится с коня или подавится супом. А без прямых наследников его земли быстро поделят между собой ушлые родичи.

Разбойники, может, и были деревенщиной, но рассчитали точно: герцог из шкуры вывернется, но золото достанет. Только вот Оливии от этого не легче. За что такое наказание?! Сначала мерзкий жених, который только и мечтает, как подсунуть ее в чужую постель. Теперь плен и, возможно, страшная смерть, если герцог не сможет достать денег.

– Мне нужно больше времени, столько золота за такой короткий срок...

– Ничего, найдешь! Помни, за каждый день просрочки платить придется милой куколке. Если опоздаешь больше, чем на неделю, то невесту получишь, только вот ее невинность будет уже того... – Ройс пошло подмигнул, уселся на кровать рядом с Оливией и властно притянул ее к себе.

Она не посмела сопротивляться. Руки у разбойника были горячие и жгли плечи даже через плотную ткань платья.

– ...не при ней. Если удержишься больше, чем на десять дней, то она умрет. А вместе с ней и твоя репутация, фамильная честь и прочая херня, за которую вы, благородные скоты, режете друга друга не жалея.

– Я понял, – процедил герцог и смерил Оливию уничижительным взглядом, будто это она была виновна во всех злоключениях. – Вы говорили про припасы в дорогу. И мне нужны карта и провожатый.

– Тогда пошли, найдем тебе достойную клячу.

Тайлер подождал, пока герцог, одышливо пыхтя, начнет спускаться по ступеням, и пошел за ним, а вот Ройс остался рядом с Оливией. Мало того, даже не подумал отпустить ее плечо, а напротив – сжал крепко и жестко.

– Не дрожи, куколка, мы свое слово держим, – белозубо оскалился он. – Выйдешь замуж за своего ублюдка. Не факт, что целочкой, но живой. Если герцог проявит благоразумие. Впрочем, что-то я не заметил на твоем личике счастья, когда он лазил тебе в корсет. Ты наверняка любишь побольше и покрепче. Верно?

6.

Оливия промолчала. Что тут ответишь? Что жених вызывает у нее тошноту? Так жаловаться недостойно благородной леди. Тем более кому тут жаловаться, разбойнику?

– Ты голодная небось?

Оливия кивнула несмело и рискнула сказать:

– Если вас не затруднит, сударь, дать мне воды.

– Воды? – разбойник снова захохотал. – Нет, твоя светлость, воды тут нет. Зато найдется вино и мясо. Самое то для благородной девицы. Правда, вот столового серебра не держим, а спускаться вниз и потрошить твои тюки неохота.

Ройс наконец отпустил Оливию, встал, нахмурился, увидев ее разодранные туфли, подобрал их и сунул за пазуху. Потом открыл один из сундуков и достал оттуда кожаные черные башмачки – конечно, попроще, чем испорченные атласные туфельки, но зато с крепкой подошвой и мягким верхом.

– Держи. И смотри под ноги, за невесту со сломанной шеей нам выкуп не заплатят.

– Благодарю вас, сударь, – вежливо ответила Оливия, а разбойник снова развеселился.

– Сударей тут нет. Зови меня Ройс, сладкая. По ноге обновка?

– Да, благодарю вас.

Туфельки оказались чуть велики, но жаловаться Оливия не посмела – еще отнимет, и тогда придется ходить босиком, а разбитые от непривычной ходьбы ноги и так болели.

Пока она завязывала шнурки, разбойник достал откуда-то флягу с вином, снял с печки горшок и наполнил простую глиняную миску. В воздухе запахло мясным бульоном, и Оливия голодно сглотнула, а в животе у нее совсем не по-благородному запело.

Разбойник сунул ей в руки плошку, полную пшенной каши с кусочками жилистого мяса, и положил рядом на тряпицу ломоть хлеба и сыр. Добавил ложку и кивнул, разрешая есть. Но стоило Оливии поднести еду ко рту – перехватил руку и сказал:

– Сначала оплата. Мы люди бедные и на дармовщинку никого не кормим.

– Оплата? – Оливия удивленно округлила глаза.

– Да, баронесса, за еду и кров надо платить. Пока будет достаточно одного твоего поцелуя. Остальное пока останется при тебе – слово мы держим.

Оливия прикусила губу, не зная, что делать. Есть хотелось так сильно. И пить. А еще было件нятно, что уехавший только сейчас герцог вернется еще не скоро и все это время ей придется...

– Я не умею, – наконец призналась она, чувствуя, как краснеют щеки.

Разбойник расхохотался, чем поверг ее в еще большее смущение. Потом легко забрал миску, поставил рядом с топчаном и привлек Оливию к себе – так близко, что она сквозь плотные слои платья ощутила жар его тела.

– Так я научу, – сказал и прижался к ее губам.

Это ничуть не походило на те целомудренные поцелуи, которые Оливия видела на картинах – чужие губы смяли ее рот с напористой жадностью, а сильная рука подхватила под шею, не давая уклониться.

Оливия потрясенно ахнула, приоткрыла губы, и чужой язык мгновенно воспользовался этим – ловкой змеей скользнул внутрь, прошелся по губам и толкнулся дальше. Обнял язык, исчез, чтобы снова возникнуть.

От напора у Оливии закружилась голова, и она закрыла глаза, не в силах вынести ощущений. Потому что ее тело – слабое и подверженное соблазнам – не выдержало. Ответило на чужой жар.

Странное томление разлилось по груди и стекло в живот, а потом и ниже. Грудь неожиданно напряглась, и она ощутила, как ее соски царапает ставший неожиданно жестким лиф платья.

Ройс прижался к ней еще сильнее, снова скользнул языком внутрь, и Оливия, не выдержав, застонала. И этот звук явно не был стоном боли или отчаяния. Наслаждение. Яркое и восхитительное. Вот что она испытывала.

И тут же, поняв, в ужасе отпрянула.

А довольный разбойник утер рукавом губы, смерил ее самодовольным взглядом и всунул в руки флягу с вином, коротко приказал:

– Пей, красотка. Жаль, что приходится держать слово. Ты такая отзывчивая, что я завалил бы тебя на спину прямо тут и сейчас. И готов поставить твою золоченую карету – ты бы кричала от восторга, пока я брал бы тебя раз за разом. Без продыха... А потом, – Ройс наклонился ближе, взял Оливию за запястье, заставляя поднести флягу к губам и сделать глоток, – а потом пришел бы Талер. Мы с ним братья. Сводные. Но знаешь, привыкли все делить по-честному. Так вот, потом бы пришел он и взял бы тебя, распаленную и текущую, прямо по моему семени.

Оливия, у которой щеки уже не просто пылали, а горели огнем, сделала глоток и закашлялась. Вино оказалось куда крепче того, что она пробовала в жизни. Когда она проморгалась и перестала давиться, оказалось, что топчан опустел – разбойник уже стоял рядом с сундуком, перекладывая содержимое.

– Спать будешь внизу, – внезапно помрачнев, сказал он и достал из сундука стеганое одеяло. – В карете. Ночи сейчас теплые, переживешь. Чего застыла? Ешь давай, пей и пошла вниз. Или ты хочешь добавить к оплате свои прекрасные губки на моем члене?

Оливия поспешно уткнулась в миску, спеша поужинать.

Спаси ее все ангелы, в какую же переделку она попала! И даже когда герцог приедет за ней... Вернее, не “когда”, а “если”... От этой мысли стало еще хуже.

Потому что после поцелуя разбойника она уже не знала – радоваться своему пленению или горевать. Ведь при мысли о герцоге внутри сразу поднималась волна отвращения. А Ройс... при всем при том, что он душегуб и разбойник, но его губы были слаще всего, что она пробовала в жизни.

Наверно, про этот грех соблазна предостерегала ее наставница-монашка. Нужно быть стойкой и с честью перенести все невзгоды, а потом выйти замуж за герцога де Фонтени. И стать ему верной и преданной женой.

Оливия отставила в сторону пустую миску, завернула хлеб и сыр в фату, взяла флягу и в сопровождении Ройса спустилась вниз.

Он распахнул перед ней дверцу кареты, дождался, пока она залезет внутрь, и швырнул ей на колени одеяло.

– И без глупостей. Места тут глухие – на мили вокруг ни жилья, ни людей, только голодные звери. Сожрут и не посмотрят, что ты баронесса. А не сожрут, так я догоню, поймаю и накажу так, что небо с овчинку покажется. Ясно?

Оливия кивнула.

Дверь захлопнулась, отрезая от ранних вечерних сумерек.

Снаружи еще раздались голоса – возле кареты расположились часовые. Но Оливии было уже все равно. Она тихонько задвинула засовчик на дверце кареты, понимая, что выломать ее дело минутное, но так было спокойнее.

Со вздохом распустила корсет, стянула верхнее платье, грязное от лесной прогулки. Положила его на шелковый диванчик, а сама, оставшись в нижнем кружевном платье, закуталась в одеяло, которое хоть и пахло овчиной, но было удивительно теплым.

Засыпая, Оливия вспоминала не отчий дом, не отца и портрет матушки, а то, как колола щеки щетина Ройса, когда он с жадностью целовал ее губы.

7.

Сны сегодняшней ночью обходили карету стороной и дали Оливии выспаться. Хотя проснулась она не сама – разбудили чужие стоны. Женские. Должно быть, кому-то приснился кошмар.

Оливия открыла глаза, выбралась из-под одеяла, растерла затекшие ноги и плечи – хотя небольшой рост и позволял ей спать на узком диванчике кареты, все-таки это ложе было слишком неудобным.

При рассеянном свете, который проникал сквозь стекла кареты и легкие занавески, ее брачное платье выглядело совсем худо, и надевать его не хотелось. Но ведь в сундуках, которые ехали на повозке, была замена. Если ей позволят взять хотя бы пару своих платьев...

Понятное дело, что самые роскошные не отдадут, но хотя бы скромные наряды и домашнюю одежду.

Оливия надела исчапанное платье, слабо затянула корсет – без служанки справиться с ним было непросто, и осторожно приоткрыла дверь кареты, готовая к тому, что ее сразу захлопнут с той стороны.

Но захлопывать было некому – ее стража, двое суровых тертых жизнью бандитов при мечях, спали вповалку у колеса. Удача! Может, стоит ей воспользоваться и бежать? Но Ройс говорил про глушь и зверей. Оказаться одной ночью в чащобе – еще страшнее, чем среди бандитов.

Но разведать округу точно не помешает, если что – она скажет, что отходила по нужде.

Оливия осторожно прикрыла дверцы и, радуясь тому, что башмачки на ней теперь кожаные – трава была в росе, отошла в сторону и спряталась за ствол дуба. Отсюда в лес тянулась хорошо утоптанная тропа. Оливия прошла по ней с десятков шагов и поняла, что это тупик – дорожка привела к лесному ручью. Зато получилось вдоволь напиться чистой воды, умыться и даже застирать подол платья. Присев на корягу, она съела вчерашний ломоть хлеба и сыр и наконец поняла, что чувствует себя сносно.

Оливия переплела волосы и заколола их оставшимися шпильками в простую прическу, когда до нее снова долетел женский стон. Длинный, странный. Потом вскрик и снова стон.

Оливия подвязала подол повыше и осторожно пошла на звук. Ведомая даже не любопытством, а словно какой-то мистической силой.

Вновь обошла дуб, наверху которого размещалось бандитское логово, где она была вчера, завернула за густые заросли орешника и, приподняв тяжелую еловую лапу, почти вышла на укромную полянку.

Почти, потому что полянка оказалась занята.

И стонали именно тут. Одна из герцогских служанок – рыженькая милая девушка, которую Оливия опознала по приметной ленте в копне волос, стоя на четвереньках, глухо мычала. Стонать в голос она не могла – потому что ее рот был занят. Мужским естеством. Таким большим, что полностью ствол не помещался, и девушка держалась за его оставшуюся часть ладонью. Владелец же ствола снисходительно глядел на старания служанки и скалился в довольной волчьей улыбке.

Ройс.

Он в очередной раз толкнулся в послушный рот, поощряюще погладил служанку по щеке и прикрыл глаза от удовольствия.

Оливия прикусила ладонь, чтобы не выдать себя случайным вздохом. Оставаться незамеченной сейчас было лучше всего.

Потому что стонала служанка не только из-за Ройса. Талер тоже был тут. Он стоял на коленях позади рыжей и резкими жесткими движениями загонял в девушку свой член. На

каждом таком толчке служанка стонала, виляла бедрами и пыталась сняться ртом с члена, но Ройс не давал – держал ладонью за затылок. Совсем как ее, Оливию, вчерашним вечером.

Движения Талера стали сильнее, размашистее. Девушка застонала совсем жалобно, и Ройс словно нехотя отпустил ее голову и взамен положил ладонь на грудь, сжал без всякой жалости и тоже начал жестко двигать бедрами, заставляя служанку захлебываться слюной, стараясь вместить в себя член целиком. Оба члена. О господи...

– Да, хорошо, – хриплый голос Талера. – Старайся, девка. Старайся... Бери глубже, да...

Оливия вздрогнула от звука его голоса, пригнулась и отступила за елку. Однако что-то удерживало ее от того, чтобы бежать. Сладкая истома опять зародилась внизу живота. Тягучая и приятная, она туманила голову, уговаривая посмотреть еще немного. Еще капельку. Совсем чуть-чуть.

– Хочешь опробовать ее по-всякому? – на выдохе спросил Ройс, перехватывая служанку за копну волос.

– Да, я не прочь, – отозвался Талер. – Славная кобылка.

Оливия увидела, как он вытащил из обессиленной девушки свой блестящий от влаги ствол, провел пару раз ей по ягодицам и надавил чуть выше.

Девушка рванулась, но Ройс удержал ее, не давая двигаться. Стоны из слабых стали громкими и умоляющими, но бандиты жалости не знали.

Талер качнулся вперед, загоняя свой член внутрь, и вновь начал вколачиваться в покорную плоть короткими рваными движениями, зарычал торжествуя.

Ройс усмехнулся, вновь проникая в услужливый рот, ускорил движения и неожиданно повернул голову, увидел стоящую в тени ели Оливию и посмотрел ей прямо в глаза.

От страха, смешанного со сладкой истомой, которая стала только сильнее, у баронессы чуть не подкосились ноги.

– Старайся, глубже! – скалясь, прохрипел Ройс, не сводя взгляда с Оливии, и наконец замычал от удовольствия, запрокидывая голову так, что на широкой загорелой шее напряглись жилы.

Оливия опрометью кинулась прочь, добежала до поляны, где размещался лагерь, мышью прошмыгнула в карету и осторожно закрыла дверь на задвижку.

И только тогда перевела дух.

Увиденное стояло перед глазами: взгляд Ройса, широкие плечи Талера, его бесстыдно проникающий в чужое тело член, алые губы на крепком наверху ствола...

А в ушах все еще звучали жаркие стоны этой девушки. Зовущие. Ей было хорошо... Так хорошо, что Оливия на секунду ощутила жгучую зависть.

Потому что ей, благородной баронессе де Соль, остаток жизни придется мириться с нежеланным и мерзким мужем. И греть ему кровать. И ложиться под тех, на кого он укажет, а может, даже пускать на их супружеское ложе других женщин!

А Оливия сейчас страстно желала другого. Она желала оказаться там, на поляне. И быть зажатой между крепкими мужскими телами и покорно принимать все, что они захотят с ней сделать.

Совсем все.

8.

До полудня Оливия просидела в карете, то засыпая ненадолго, то сквозь окошко тайком наблюдая за жизнью бандитского лагеря.

Люди тут существовали незатейливо и мало чем отличались от замковых слуг. Во всяком случае, беспорядка, драк или пьяных тут не было. Все занимались делом. Разница была только в том, что женщины – свободные, не из пленниц – встречались редко. Оливия высмотрела только старушку стряпуху и пару девочек-подростков, одетых в одинаковые добротные платья. Видно, бандиты у себя не привечали женщин, чтобы не было споров. Хотя... Оливия аж зажмурилась, припомнив подсмотренное утром. Эти мужчины особо и не спорили. Делились. И делили одну на двоих.

От воспоминаний снова стало жарко, и Оливия уставилась в окно, чтоб отвлечься.

Одни разбойники носили дрова для печей и костров, вторые кашеварили, третьи занимались починкой одежды и оружия.

Огромный кузнец, лениво потягиваясь, вышел из шалаша и на другой стороне поляны растопил горн. Вскоре по лесу гулко стал разноситься грохот молота. Похоже, что разбойники ей не соврали – лагерь действительно был в самой глуши, иначе бы кто-то уже донес ее отцу об услышанной лесной кузнице.

Когда солнце встало в зенит, в дверь кареты гулко стукнули. Оливия сначала вжалась в сиденье от испуга, а потом потянулась и открыла задвижку. Внутрь сунулся худой и хмурый разбойник и протянул ей обед: миску с похлебкой, хлеб и печеную репку.

– Главные сказали, что ты, светлость, можешь ходить по поляне и не бояться. Никто не тронет, – проворчал он и сострил: – А то от сидения в каретах цвет лица испортится и цена упадет. Воду возьми там, видишь, где синий шатер. Если надобно вина – то это к жожакам, нам такое не положено. Дальше поляны не ходи – только если к ручью, он вот там. Попробуешь сбежать – шкуру спустим, не посмотрим, что благородная. Ну чего дрожишь? Миску-то бери!

Оливия послушалась, тихо сказав “спасибо”.

Охранник кивнул и убрался вон.

Дверь закрылась, а Оливия наконец смогла поесть спокойно.

На удивление, попадание в плен улучшило аппетит, и если раньше, в замке, она могла от силы съесть пару кусочков овощей и выпить чашку бульона, то сейчас миска опустела так быстро, словно обедала не благородная девица, а крестьянка.

Потом она заново переплела волосы, застегнула подаренные башмачки и выбралась из кареты. Нужно было раздобыть себе сменную одежду. Пока в груди хватало решимости на разговор с разбойниками.

Охранники внимания на нее особо не обратили, покосились только, но окликать не стали. Пришлось заговорить самой, потому что ходить в грязном платье и старом белье было неприятно и невыгодно.

– Милостивые судари, – осторожно обратилась Оливия, не зная, как правильно говорить с разбойниками. Не разбойниками же их называть.

– Мы не милостивые, – засмеялись в ответ. – Мы лихие. Чего тебе, светлость?

– Мне нужно сменное платье и другие мои вещи, судари.

– О, ну это не нам решать. Поищи Талера или Ройса. Пусть сами думают, надо ли тебе давать что-то из наших вещей.

Оливия предпочла не спорить и не возмущаться: все равно отбить почти у полусотни здоровенных бойцов свои платья она не сможет, а значит, остается только просить. И надеяться на скорое освобождение.

При мысли о герцоге, который должен вернуться с выкупом, в груди привычно похолодело.

С одной стороны, выкуп означал конец страхам и страданиям, с другой – начало новой и не совсем счастливой жизни, возможно, еще более ужасной, чем пребывание в плену.

– А где мне их найти?

Охранник лениво махнул в сторону логова на дубе.

Оливия нерешительно поставила ногу на узкую ступеньку.

Вчера, испуганная и усталая, она легко вскарабкалась туда в сумраке, а сейчас при свете дня поняла – путь опасен. Ступеньки-дощечки были неровные и держались кое-как. Расстояние между некоторыми из них было слишком большим.

Она замялась и поняла, что все охранники теперь смотрят на нее: полезет она или струсит? Это решило дело. В конце концов, бароны де Соль никогда не сдавались. Во всяком случае, так гласили семейные легенды.

Оливия, перехватив подол, осторожно поставила ногу на вторую ступеньку и, стараясь пореже смотреть вниз, быстро поднялась на дощатый настил, ведущий к логову.

Что сказать этим бандитам? Как упротить их вернуть ей вещи? На ум, как назло, лезли только подсмотренные утром неприличные сцены, а в ушах звучало тяжелое мужское дыхание. И сладкие стоны.

Осторожно ступая по шатким доскам, Оливия дошла до входа, отодвинула занавесь и заглянула внутрь.

Со вчерашнего вечера тут мало что изменилось. Только огонь в печи погас, да кто-то спал, раскинувшись на топчане. Когда глаза привыкли к полумраку комнаты после яркого солнца, Оливия разглядела, что это Талер.

Он лежал на животе, спрятав лицо в сгибе локтя, полуголый – только в суконных темных штанах.

По его спутанных кудрям скользил солнечный зайчик, а широкая мускулистая спина мерно вздымалась. Талер спал крепким сном.

Оливия сначала хотела шагнуть назад, но передумала.

Осталась.

Любопытство – какое-то странное, раньше ей несвойственное, зудело внутри. Захотелось подойти и поближе рассмотреть разбойника. И побороть свой страх перед ним.

Стараясь ступать бесшумно, Оливия прошла по скрипучим доскам, замирая от каждого резкого звука.

Мужчина на топчане не пошевелился.

Оливия встала рядом, безнаказанно рассматривая. А посмотреть было на что. В который раз сожаления о том, что ее жених и вполтину не так хорош, коснулись сердца.

Спина Талера – очень широкая и мускулистая, была исчерчена старыми белыми шрамами, и один более свежий тянулся по ребрам слева. Мощная бычья шея, выющиеся волосы прикрывали лицо, и видна была лишь резко очерченная скула.

К плечу прилипла соломинка, а над низко сползшим, до неприличия, поясом штанов были две ямочки.

Под деревом внизу кто-то начал громкий разговор, и раздался взрыв хохота.

Оливия замерла, думая, что Талер сейчас проснется, но тот даже не пошевелился – плечи по-прежнему мерно поднимались и опускались.

Оливия смотрела на него, как крольчонок на змею, не в силах отвести взгляд.

Очень хотелось коснуться сильной спины, ощутить под пальцами железные мускулы. Провести по плечу и ниже.

Боже, да что с ней такое? Неужели один вырванный силой поцелуй и подсмотренное непотребство сделали ее такой распущенной? Распутной и грязной? Или это потому, что скорая свадьба обещает быть совсем не такой, как ей виделось в мечтах?

Вряд ли будущий супруг вызовет в ней такой горячий отклик, как эти случайно встретившиеся на пути мужчины.

Оливия вспомнила прикосновения своего жениха и вздрогнула. Вот уж по чему она не успела соскучиться! Хотя если он уехал вчера ночью и с ним ничего не случится по дороге, то в свои владения он въедет только сегодня вечером, а в замке будет лишь к утру.

Деньги... тридцать тысяч – очень серьезная сумма. Да, честь и репутация дороже, но внутри Оливии не жила уверенность, что герцог решится отдать за нее столько золота.

Может, предложить разбойникам написать ее отцу? А что может дать он? Источенные мышами ковры и винные полупустые бочки? Сообщать батюшке и просить его заплатить – глупо. Он скорее сядет на коня и станет обшаривать все чащобы в поисках дочери, пока в сумерках не споткнется и не сломает шею. Несмотря на то, что от отца были одни проблемы, подобной судьбы Оливия ему не желала.

Внизу снова захохотали. Оливия вздохнула, присела на краешек топчана. И что делать? Будить Талера и просить, чтобы вернул платье? Какие слов подобрать? А если он откажет, тогда как быть – спускаться вниз под презрительными взглядами бандитов?

Оливия хотела рассмотреть лицо и осторожно потянулась, чтобы убрать упавшие на щеку пряди... и вскрикнула – потому что на ее запястье сомкнулась железная хватка пальцев, а ее саму тут же вжали в топчан и навалились сверху. Всем весом, так, что разом стало трудно дышать.

– Соскучилась по мне, крошка?

9.

Лицо Талера внезапно оказалось так близко, что Оливия ощутила щекой его горячее дыхание.

– Я...

– Ну? – Талер и не думал освобождать ее, напротив, втиснул в топчан еще сильнее и ухватил за горло, сжал, скорее угрожая, чем желая навредить. – Пришла убить меня?

– Нет!

– Тогда зачем?

Талер внимательно и цепко рассматривал Оливию, словно она была ритуальной жертвой на алтаре, а он поднявшимся из преисподней демоном. Демоном с серыми холодными глазами. У Оливии перехватило дыхание, а во рту внезапно стало сухо. Сердце заколотилось, как у крольчонка.

– Я хотела...

– Хотела? – насмешливо переспросил Талер. – Чего ты хотела?

Его губы внезапно оказались слишком близко, горячее дыхание обожгло щеку, а каштановые волосы закрыли от Оливии весь мир.

Разбойник еще секунду смотрел на нее, потом легко отжался от кровати и уже насмешливой сказал:

– Если решила согреть мне постель, то для этого на тебе слишком много тряпок.

– Я хотела попросить обратно свои вещи, – на Оливию как ведро ледяной воды вылили.

Надо же, “постель”! Хорошего же они мнения о баронессе де Соль. Так в своих речах разбойники дойдут до того, что она сама к ним в плен пришла!

Хотя Оливия до сих пор ощущала приятную тяжесть горячего тела, жесткую хватку сильных рук и терпкий мужской запах.

– Вещи? – переспросил Талер.

– Да, мои платья и... другую одежду. На смену. Это мое платье испорчено. В сундуках, которые были на повозке, ехало приданое...

– А мой братец разве не объяснил тебе, дорогая баронесса, что бесплатно у нас ничего не бывает? Хочешь вернуть свои вещи – плати цену.

– Вы же знаете, что у меня ничего нет! Мои сундуки у вас, драгоценности тоже, а деньги... Я могу написать отцу...

Талер наклонил голову, рассматривая Оливию с некоторым удивлением, словно говорящую зверушку, потом рассмеялся уже в голос.

– Ну, у всякой девушки есть что предложить мужчине. У благородных тоже. И у тебя вроде все при себе. Ну так попроси меня хорошенько, – разбойник внезапно шагнул, и Оливии пришлось отступить в угол комнаты и вжаться спиной в стенку.

Она выставила вперед ладони в слабой попытке остановить напор, но Талер этого словно не заметил – уперся руками в доски за ее спиной и наклонился, все также насмешливо глядя на Оливию.

– Я...

Теперь она смогла рассмотреть, что глаза у него не просто серые, а с темным отливом вокруг черного расширенного зрачка, а под бровью тонкий белый шрам.

– Расплатись со мной. Ну? – он наклонился еще ниже, почти касаясь губами ее губ. – По своей воле, моя невинная овечка. Сама.

Оливия, как замороженная, потянулась к эти губам, внутри себя гадая, поразит ее прямо сейчас молния господня за такой грех или...

Молнии не было, зато были чужие губы – чуть горьковатые от вина, но удивительно мягкие и нежные. Талер целовал ее так, словно она была его невестой – любимой и любящей. Сначала прошелся, лаская, по верхней губе, потом по нижней, а затем захватил в сладкий плен ее целиком.

Девушка, ожидавшая напора и боли, замерла, чувствуя, как слабеют колени. А потом сильная ладонь легла на полукружие ее груди и пригладила подушечками пальцев – едва касаясь, но Оливия ощутила это всем существом. Яркое, ослепительное по силе желание накатило волной, и она просяще застонала своему мучителю в губы, сама не понимая, о чем молит – о том, чтобы он прекратил или чтобы не прекращал никогда.

И ровно в этот момент Талер отодвинулся, уже без нежности взял Оливию за подбородок, вынуждая задрать голову, и проговорил прямо в краснеющее от смущения ушко:

– Плохо стараешься. Твои платья стоят дороже...

Потянулся, снова поглядел с насмешкой и улегся на топчан. Закинул руки за голову, зевнул лениво и продолжил:

– Только зря потерял время.

Оливию, красную от злости, смущения и обиды, как ураганом вынесло за занавеску. Она даже не поняла, как так быстро спустилась по опасным ступенькам, и пришла в себя только внутри злополучной кареты, от того, что прищемила подол дверцей. Со злостью она захлопнула дверь снова и упала на шелковый диванчик.

От полыхающей внутри ярости стало жарко, и Оливия дернула на спине завязки корсета, чтобы стянуть ненавистное свадебное платье. Какая наглость! Да как этот крестьянин посмел быть недовольным, когда его поцеловала баронесса?! Больше не бывать такому! Пусть она будет ходить в обносках и голодать, но больше не сделает и шага в это проклятое логово!

Оливия стянула грязное платье и разложила его на сиденьи, чтобы понять, что тут можно сделать. И через пять минут поняла – ничего. Грязь пристала к подолу намертво и набилась в плотную вышивку. Без специального мыла вытереть ее не представлялось возможным. На лифе платья чернел отпечаток чьей-то ладони, одна оборка оторвалась, вторая держалась на честном слове.

Нижнее платье было в лучшем состоянии, но ходить только в нем было верхом бесстыдства. Все правила поведения, все воспитание, вся стыдливость – все вместе противилось тому, чтобы показываться в таком виде даже перед этим сбродом.

Оливия закрыла лицо руками и заплакала. За что ей такое? Разве она заслужила подобное? Начиная от брака с отвратительным женихом и заканчивая оскорблениями от разбойника. Она всегда была примерной дочерью и хорошей хозяйкой и мечтала стать верной женой, а тут...

Внезапно в дверь грубо и сильно постучали. Оливия вздрогнула, схватила в охапку платье.

– Подождите, я не одета!

– Что я там не видел? – веселый голос Ройса раздался из-за двери, и следом в нее снова требовательно постучали. – Отпирай, баронесса, или я сломаю карету, и ночью будет прохладно.

– Сейчас! Не надо ломать! – испугалась Оливия, зная, что у этого разбойника слова и дело не расходятся.

Она отщелкнула задвижку и вжалась в сиденье.

Ройс распахнул дверь, но вместо того, чтобы выволочь ее наружу или самому войти внутрь, кинул на сиденье два огромных мешка. Посмотрел на Оливию, которая все еще прижимала к себе грязное свадебное платье, прищелкнул языком, сказал:

– Талер просил передать! – и захлопнул дверь.

Оливия, прислушиваясь, дождалась, пока Ройс отойдет от кареты, и несмело коснулась завязок первого мешка, потянула за узел, который неожиданно легко распустился, и раскрыла горловину.

Платья. Ее платья. Одно плотное, еще ни разу не надетое, из жесткого зеленого бархата со вставками коричневого тройного льна. Оно шилось специально для выездов на охоту и было прекрасно приспособлено для прогулок по расчищенным охотничьим угодьям. Не такой тугой корсет – больше из кожи, чем из ткани. Двойная юбка – не пышная, но с легким теплым подкладом. Плотный, обшитый по краю подол.

Второе платье – из красной шерсти, практичное, для домашних дел. И третье – воздушно-голубое, которым Оливия не раз тайком любовалась, для приемов и балов.

В другом мешке лежали нижние платья и смены белья, чулок, а также чехол с расческами, гребнями, лентами и заколками. Обувь – плотные охотничьи сапожки и еще одна пара простых домашних туфель.

Выходит, Талер вернул почти половину вещей. Оливия прижала к себе несессер и выдохнула. Внутри внезапно стало тепло и радостно, хотя она осознавала, что никаких поводов для этой радости нет. Бандит всего лишь смиростивился. На время.

Но все-таки воспоминание о его нежном поцелуе согрело Оливию перед сном.

10.

Следующий день начался с крика и переполоха. Кто-то ругался – такими словами, от которых хотелось провалиться под землю, другой отвечал с не меньшим пылом, а потом голоса стихли.

Пока Оливия одевалась и закалывала волосы, мимо кареты прошагали еще трое разбойников, а когда баронесса попыталась выйти, дверцу ее убежища грубо придержали снаружи.

– Куда?! Не велено сейчас! – рыкнул сторож и для верности подпер дверцу спиной.

– Что случилось? Почему? – спросила Оливия, которая не понимала, в чем дело.

Может, бандиты передумали и теперь хотят забрать вещи обратно? Так забрали бы сразу, кто им мог помешать? Или вдруг у герцога получилось добраться до помощи раньше, и теперь на подходе королевские войска? Но почему так быстро? Ведь если разбойники дали ему лошадь, то добраться до своих земель он мог только сегодня утром. Может, отец прознал, что ее держат в плену?

Оливия на всякий случай поплотнее зашнуровала корсет, перестегнула туфельки и прихватила накидку с капюшоном. Но суета вскоре стихла, а потом и вовсе в возгласах бандитов послышалась радость. Оливия приникла к окошку. На главную поляну лагеря волоком втащили двух женщин – служанок герцога. Обе были в грязной одежде, так, словно долго пробирались по лесу. У одной из них подол юбки был темным от воды, а у второй расплелась прическа. Обе плакали и умоляли их не трогать.

Бандиты втащили женщин на центр поляны, но ничего не предпринимали. Ждали. И Оливия понимала кого.

Талер подошел через минуту, как всегда с легкой улыбкой. Отпустил какую-то шуточку – из кареты не было слышно какую – и бандиты разразились смехом. Потом постоял напротив служанок и с той же улыбкой отдал короткий приказ. Обеих несчастных тотчас же схватили, связали им руки, а длинные концы веревок перекинули через нависшую над поляной дубовую ветвь. Натянули, так что женщины привстали на самые кончики пальцев, и завязали вокруг сука.

А потом один из бандитов, повинуясь слову Талера, небрежно распорол у служанок платье, обнажив спины. Наказание! Вот что собирались сделать бандиты!

Наверняка женщины попытались бежать, их выследили, поймали и теперь...

– О нет! – прошептала Оливия и зажмурилась от ужаса.

Разбойники не походили на тех, кто знает меру в том, как и когда наказывать провинившихся слуг.

В замке де Соль иногда происходило подобное, но отец всегда строго следил за теми, кого наказывают, и теми, кто наказывает, прекрасно понимая, что такой момент – лучше не придумашь для сведения старых обид или счетов. И если уж кого-то из слуг порол за провинность, то бедняга, отлежавшись день, вполне был способен встать и дальше исполнять свои обязанности. В том, чтобы тешить внутреннего зверя, запарывая слуг до смерти, бароны де Соль не нуждались.

Оливия прикусила губу чуть ли не до крови. Она угадала – один из бандитов, сухопарый и уже не молодой, скинул куртку, чтобы она ему не мешала, и снял с пояса кнут.

Неспешно распустил его, пару раз взмахнул – сквозь стекло Оливии не было слышно, но наверняка кончик свистел, рассекая воздух. Потом бандит дождался разрешающего кивка от Талера и ударил.

Оливия не знала, силен удар или слаб, но крик девушки зазвенел в ушах. За первым последовал второй, потом третий.

Палач бил по очереди, разукрашивая спины служанок красными полосами.

Оливия смотрела на их мучения и сжимала кулаки, понимая, что ничего не может сделать. Собственное бессилие ужасало и доводило до бешенства. Разбойники не смели так поступать! Эти люди – слуги герцога – ни в чем не провинились.

Хотелось броситься вон из кареты и остановить ужасную забаву, но при всей своей непригодности к жизни вне замка Оливия понимала – она сделает только хуже. Чтобы насладиться ее муками, забаву никто не остановит, напротив, могут сделать еще хуже.

Особенно сильный крик резанул по ушам, и Оливия, не выдержав, все-таки рванулась к выходу, но вместо дверцы со всего маху врезалась в чужую твердую грудь, вскрикнула и отшатнулась.

Ройс, а это был именно он, спокойно закрыл за собой дверь на задвижку, стянул с головы черный платок, удерживающий волосы, и расположился напротив. Похоже, что он лично принимал участие в погоне – сапоги у него были грязные, рукав рубашки порвался на плече, а кожаный жилет был испачкан смолой.

– Как тебе зрелище?

– Отвратительно, – Оливия нахмурилась. – Бить женщин, да еще кнутом. Я думала, что вы мужчины...

– Дорогая овечка, мы конечно, мужчины, в чем в скором времени ты убедишься.

– О да! Бить беззащитных...

– Но мы мужчины, которые очень хотят жить, – лениво продолжил Ройс, а потом обезоруживающе улыбнулся. – Эти две шлюхи рванули в лес прямо в сторону одной из пограничных крепостей. А крепости, как сама понимаешь, не стоят пустыми, в них есть солдаты. И вот, дорогая овечка, мы отловили этих двух заноз, когда они уже добрались до реки. Одна из них, оказывается, дочка лесничего герцога и неплохо разбирается в здешних чащобах. Пришлось погоняться. Хорошая вышла охота.

– Вы убьете их? – с замиранием сердца спросила Оливия.

– Скорее проучим. Отобьем охоту убежать без спроса. Но...

Ройс многозначительно пошевелил темными бровями и снова улыбнулся во все зубы.

– Но что? – недоуменно спросила Оливия.

– Но ты можешь сократить их мучения, моя милая овечка.

Бандиты снаружи опять загоготали, видимо, обсуждая умение одного из них владеть кнутом. Талер все также стоял отдельно, лениво рассматривая вздернутых за руки жертв, и его лицо не выражало ничего кроме скуки.

– Как?

– Я хочу, чтобы ты разделась.

11.

– Что?

– Лесные ветры продули эти очаровательные ушки? Я хочу, чтобы ты разделась. Чтобы ты сняла с себя эти тряпки, которые так щедро отдал тебе братец, и показала мне себя.

– Раздеться? – Оливия моргнула ошарашенно.

Предложение было настолько неприличным, что она не понимала, как реагировать. Раздеться догола для знатной дамы – нет большего позора! Даже перед мужем, в темноте супружеской спальни, положено находиться в специальной брачной рубашке, которая, кстати, лежала на дне одного из сундуков с приданым. А здесь, среди бела дня...

– Да, моя овечка. Раздеться. Я уверен, что под этими тряпками есть на что посмотреть... Или докажи мне, что я ошибаюсь.

Снаружи снова долетел женский крик. Оливия вздрогнула.

Ройс наклонился к ней так близко, что она почувствовала запах костра от его волос, и, приподняв брови, договорил:

– Эти девки заставили нас побегать, и будет справедливо, если они тоже помучаются. Стефан, тот, что с кнутом, был у барона Грохи в палачах. Умеет бить так, чтобы растянуть удовольствие. Так что, баронесса, будешь спасать своих служанок?

– Я...

– Я жду. Но знаешь, крошка, я нетерпелив. Или ты сейчас же начинаешь развязывать свой корсет, или я уйду. Считаю до трех.

Оливия метнулась взглядом к окну. Похоже, что Ройс не врал. Сейчас из-за толпы, обступившей служанок, ей не было видно самого наказания, но крики становились все громче и отчаянней.

– Раз.

Если она согласится, то девушек отпустят. Только вот наверняка этот бандит всем расскажет, что баронесса де Соль...

– Два.

Оливия трудно сглотнула пересохшим горлом. Очень некстати ощутив, как напрягается грудь. От одной мысли о том, что Ройс увидит ее голой и будет смотреть, соски стали твердыми, как горошины. Какой позор! Почему она не может держать в узде желания своего тела... Почему?

– Три.

Ройс пожал плечами разочарованно и поднялся с диванчика, когда Оливия решительно рванула шнуровку корсета.

Распустила первые три стяжки, затянула в прическу выбившуюся прядь и развернулась к Ройсу спиной.

– Если хочешь быстрее – делай сам.

– Быстрее? – голос Ройса стал обманчиво ленивым, как лесная река над омутом. – Нет, крошка, быстрее не хочу. Но помочь такой славной малышке, которая готова показать мне все... Почему бы нет? Тем более что на твои титки я уже полюбовался, когда их мял его светлость. Неплохие, я бы присоединился. Правда, в другой компании.

Он живо потянул за шнуровку, резкими и четкими движениями вытаскивая тесьму из дырочек, пока верхнее платье не сползло вниз по плечам Оливии.

Она замерла, понимая, что порыв, которому она поддалась – результат шантажа. А значит, в эту игру можно играть вдвоем. Или хотя бы попробовать.

– Пусть девушек развяжут, – сказала она. – Это мое условие. Сейчас же.

– Малышка показывает зубки, хотя еще не показала ножки, – заржал Ройс. – Да не проблема.

Он распахнул дверь кареты и бросил пару фраз на странном языке охраннику, который понятливо угукнул.

– Теперь довольна?

За окном Талер резко свистнул, останавливая наказание. Хлопнул в ладоши, показывая, что закончено, и со скучающим видом ушел.

Бандиты разочарованно заворчали, но спорить не посмели.

Веревку перерезали, а плачущих служанок увели в сторону клетки, где содержали герцогских слуг.

Оливия отвернулась от окна и уперлась прямо в насмешливый взгляд черных, как ониксы, глаз. Ройс приподнял бровь и развалился на сиденье, показывая, что готов к зрелищу.

Оливия стянула с себя рукава верхнего платья, вынула шнуры и, стараясь не наступить на подол, выскользнула из тяжелой юбки. Раздеваться без помощи служанки оказалось непривычно и неудобно, в карете места было мало, да еще этот наглый тип пялится на нее, как на...

Оливия отложила в сторону платье и начала распускать завязки нижней рубашки. Которых, к сожалению, было слишком мало, а стоило снять ее и вторую юбку, как щеки залило краской стыда.

Совсем тонкая нижняя рубашка едва прикрывала грудь. Внизу на Оливии остались только чулки на подвязках и короткие панталончики.

– Дальше, – милостиво разрешил Ройс, внимательно рассматривая каждый дюйм обнаженного тела.

Оливии казалось, что его взгляд осязаемый и горячий – словно не смотрит, а раскаленным прутиком водит по коже. По груди, по плечам, по щиколоткам. Такой собственнический, жадный. Неприкрытый.

Бандиту не нужен был этикет или условности, он не знал приличий. Говорил, что думал и делал, что хотел. А сейчас он хотел смотреть на нее. На баронессу.

Оливия стянула рубашку и торопливо прикрыла грудь рукой, сразу ощутив, что ей не показалось – соски действительно были напряжены и тверды.

Кажется, об ее щеки сейчас можно зажигать лучины – так они горели.

Ройс же без капли стеснения, сыто и довольно, как черный наглый кот, переловивший в замке всех крыс, оглядел ее, сжавшуюся на сиденье, и кивнул:

– Дальше.

Оливия бросила быстрый взгляд на дверь, надеясь, что кто-то войдет и этот кошмар закончится. Но бандит понял ее по-своему.

– Хочешь раздеться при всех? Уверена? Или думаешь, как бы сбежать? Учти, увидев тебя голой, мои парни перестанут разбирать, баронесса ты или нет. И возьмут свое. Так что выбирай – или снаружи для всех, или для меня – здесь.

12.

– Вы негодай!

– Да ладно! – Ройс захохотал. – Негодай – это твой славный женишок, который купил за золото молодую овечку и собирается заставить ее рожать младенцев, пока та не помрет от родовой горячки. А я всего лишь парень, который любит удовольствия. Хотя откуда тебе, малышка, знать, что это такое? Всю жизнь за толстыми стенами замка, в компании монашек и пьяницы-папаши.

– Мой отец – барон, – голос у Оливии дрожал, но она пыталась сохранить остатки гордости и самообладания. – Он благородный человек. И не такому как вы говорить о нем.

– Твой отец по утрам без помощи слуг не может найти собственную задницу. А так да, барон. Ты чего остановилась? Хочешь отменить наш договор? – усмехнулся Ройс.

Оливия, внутри которой разгоралось злое яркое пламя, упрямо задрала подбородок. Она – баронесса де Соль. И ей плевать на какого-то там немытого деревенщину и его взгляды. Стесняться ей точно некого! Пусть подавиться! Пусть смотрит! Это ни капли не унижит ее, и не изменит ее положения.

Она убрала руки от груди, выпрямилась и развязала пояс панталон, не очень ловко приподнялась и, все-таки пытаясь не показывать большего, спустила их к голениям, а потом переступила туфлями.

Расстегнула на обуви ремешки, скинула туфли и скатала чулки вниз. Отложив их в сторону, выпрямилась и взглянула Ройсу прямо в глаза. В его взгляде по-прежнему читалась насмешка, а еще что-то такое, от чего снова захотелось прикрыться хотя бы занавеской. Это сбивало с толку, убавляло решимость.

Желание. Страсть. Похоть. Все то, от чего ее закрывали все эти годы высокие стены и моральные устои.

Оливия сдула со лба непослушную прядь и прикусила губу. Ждать вот так, пока он насмотрится, было невообразимо сложно. И еще внутри ворочалось слабое сомнение – а вдруг она не так хороша? Вдруг он сейчас скажет что-то, что повергнет ее на самое дно унижения?

Но Ройс молчал. Только скользил жадным взглядом по ее телу. Проходилась по груди, спускался ниже, по плоскому животу, упирался в бедра, которые были крепко сомкнуты, и скользил дальше от коленей до самых пальцев ног. Лаская. Заставляя краснеть и смущаться. Руша барьеры.

Господи, наверно, ее муж никогда не станет смотреть на нее так! И до самой смерти она будет обречена терпеть его! Почему герцог не вызывает у нее внутри тех чувств, что Ройс? Почему судьбе не было угодно поменять их местами?!

Остро вспомнилось, как герцог пообещал пригласить в их супружескую спальню служанок. И чем тот обещанный позор лучше того, что сейчас происходит в карете? Ройсу хотя бы нужна именно она.

– Достаточно? – холодно поинтересовалась она, пытаясь сделать так, чтобы голос не дрожал.

– Нет, – теперь в хриплом голосе Ройса не слышалось смеха. – Я еще не видел тебя сзади. Развернись и встань коленями на сиденье.

Оливию снова окатило волной стыда. Впрочем, терять ей было больше нечего. Крики служанок снаружи притихли, но этим бандитам ничего не стоит запороть бедных девушек насмерть.

Она осторожно встала, развернулась и выполнила приказ. Стоять так, спиной к Ройсу было еще сложнее. Стоять и понимать, что он смотрит. И не отводит взгляда.

Оливия ощутила, что между ног становится странно влажно, а внизу живота скапливается сладкая тяжелая истома. И все это от того, что она разделась перед простолюдином! Потому что он хочет ее так, что...

– Раздвинь ноги! – жестко приказал Ройс.

И она послушалась без промедления. Переступив коленями, немного раздвинула стиснутые бедра и почти сразу почувствовала, как к ее ягодице прижалась чужая рука – на краткое мгновение.

Прикосновение было коротким и жгучим, как касание клейма.

Шлепок.

Не болезненный, но сильный. А потом второй и третий. И еще два – крепких и звонких.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.